

Анне-Кам.
Вестли

ГЮРО И СКРИПКА

Гюро

Анне-Катрине Вестли

Гюро и скрипка

«Азбука-Аттикус»

1977, 1978

УДК 821.113.5-3-93
ББК 84(4Нор)

Вестли А.

Гюро и скрипка / А. Вестли — «Азбука-Аттикус», 1977,
1978 — (Гюро)

ISBN 978-5-389-24198-5

Вы, наверное, уже успели познакомиться с Гюро и её мамой Эрле. Из этой книги вы узнаете, что случилось с Гюро, когда она осталась вечером дома одна, как Гюро и Сократ скатили палубу, что водяной подарил Гюро на Рождество, как Гюро и Сократ давали скрипичный концерт и многое другое.

УДК 821.113.5-3-93

ББК 84(4Нор)

ISBN 978-5-389-24198-5

© Вестли А., 1977, 1978
© Азбука-Аттикус, 1977, 1978

Содержание

Гюро одна дома	9
Одна дома	9
Нечаянный переполох	15
Страх понарошку	21
Скатить палубу	28
Лес	34
В преддверии Рождества	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Анне-Катрине Вестли

Гуро и скрипка

Повести

Anne-Cath.Vestly
GURO ALENE HJEMME
GURO OG FIOLINEN

Guro alene hjemme and the following copyright notice:

Copyright © Gyldendal Norsk Forlag AS 1977

[All rights reserved.]

Guro og fiolinen and the following copyright notice:

Copyright © Gyldendal Norsk Forlag AS 1978

[All rights reserved.]

© Стреблова И.П., 2016

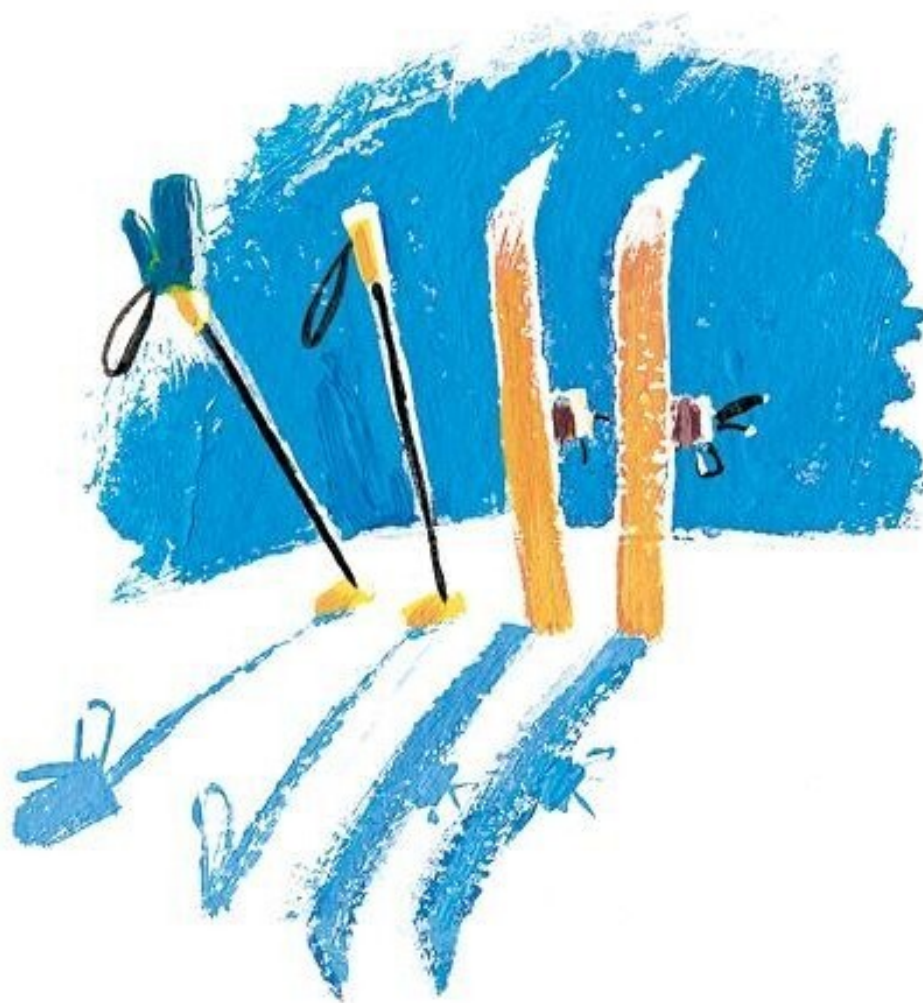
© Бугославская Н.В., иллюстрации, 2016

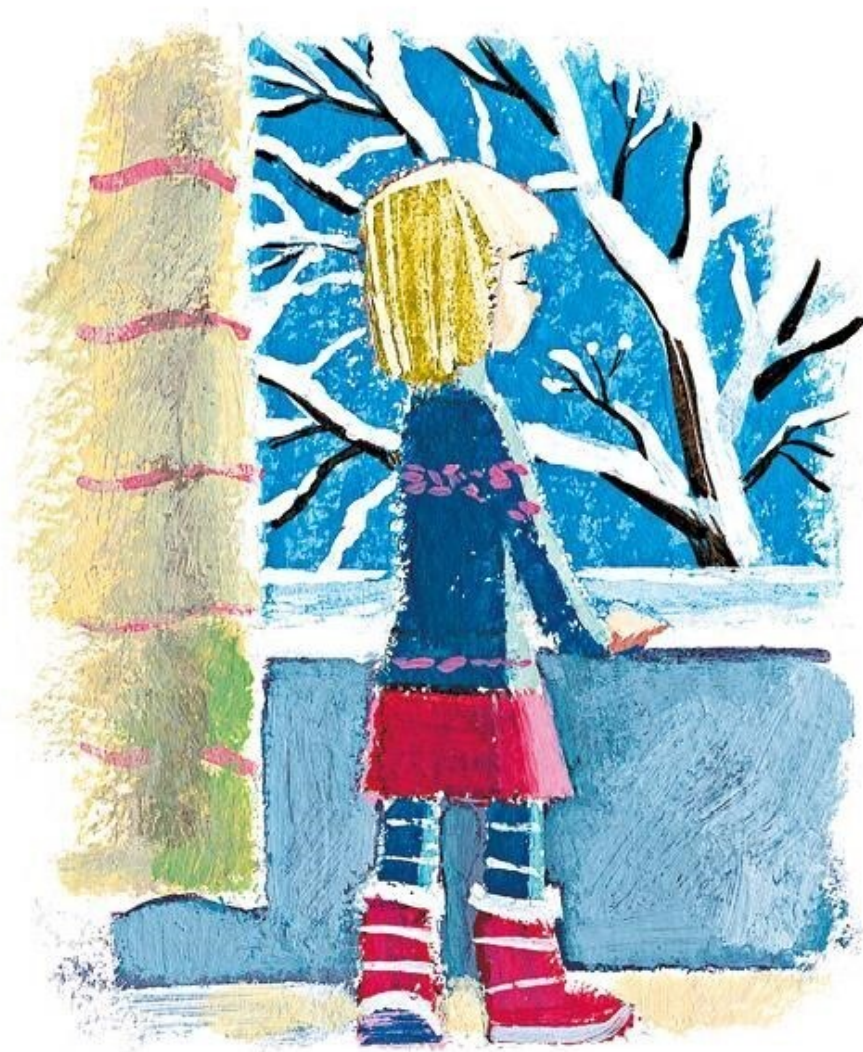
© Оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2016

* * *

Гюро одна дома

Одна дома

Поблизости от большого города есть городок, который называется Тириллтопен. Тириллтопен хоть и невелик, но он самый настоящий город. Это вам не посёлок с маленькими, невысокими домиками и крошечными магазинчиками. Нет, он почти весь состоит из больших, многоэтажных корпусов, хотя есть и немного низких, длинных домов с отдельными подъездами для каждой квартиры. Просторную площадь окружают большие магазины. Площадь с магазинами называется Центром, там есть и доктор, и зубной врач, и парикмахерская, и банк, и почта. Но красивее всего большие корпуса, они тянутся к небу, как башни. В таком корпусе и жила Гюро. Она жила на первом этаже корпуса «Ц» со своей мамой Эрле. Эрле работала дворником и следила за порядком во всём корпусе «Ц».

Гюро и Эрле прожили тут несколько месяцев, и мама узнала здесь почти всех жильцов, а Гюро ещё не успела, потому что в корпусе было тринадцать этажей, а Гюро не была дворником и не могла побывать во всех квартирах. Мама брала её с собой на вызовы только несколько раз. Но в лицо Гюро знала уже почти всех, кто тут жил, и совершенно точно всех детей из своего дома. Среди них были и совсем малявки, были и такие, как Гюро, и много совсем больших мальчиков и девочек. Знала Гюро и некоторых взрослых: знала женщину, которую звали Эви и у которой была дочка Нюсси, знала и Эдварда. Эдвард был папой Авроры и Сократа. Их маму Гюро тоже немножко знала, её звали Мари.

Ещё в доме жил мальчик Кнут. И Нюсси говорила, что в него влюблена Аврора, но Аврора говорила, что это полная ерунда, потому что Кнут уже большой, он ездит на мопеде и вообще.

Рядом был корпус «Ю». Там она знала Тюлиньку. Тюлинька была не девочка, а взрослая женщина. Она уже вышла на пенсию, а теперь стала дневной мамой для Гюро и Сократа и для собаки, которую звали Индивид. Ещё Гюро знала человека, которого звали Бьёрн, и он рабо-

тал дворником в корпусе «Ю». Теперь же она познакомилась и с его сыном Лилле-Бьёрном, но с ним она встречалась уже раньше, только сначала сама об этом не догадывалась, потому что сын Бьёрна оказался тем самым Лилле-Бьёрном, который жил в Гампетрефе у тётушки Заботы, и это он научил Гюро играть в самолёттики, и они много раз играли вместе, когда Гюро была маленькая. Но только этим летом она узнала, что Лилле-Бьёрн – сын Бьёрна. Он приезжал к отцу два раза в месяц на субботу и воскресенье, а иногда бывал и в будние дни. А один раз Бьёрн и Лилле-Бьёрн приходили к Гюро и Эрле в гости, но Лилле-Бьёрн больше помалкивал и только читал в углу газету, но Гюро его всё равно узнала. И ещё она знала маленького мальчика Ларса и большую девочку Грю, ну вот, кажется, и всё. Больше Гюро ещё ни с кем не успела познакомиться в Тирилтопене. Но она знала, что в лесу живёт одна бабушка, и ещё знала старика Андерсена из пансионата в городе, и подругу Тюлиньки, которую звали Лиллен, а может быть, и ещё кого-то. Гюро хотела познакомиться со всеми людьми на свете, так что очень хорошо, что у неё уже вон сколько знакомых!

Но хотя у неё было так много знакомых, однажды вечером она осталась совсем одна. Дело было осенью, и она сидела одна в дворницкой квартире. Такое уже бывало, и не раз. Но раньше так случалось, только когда маму вызывали зайти что-нибудь починить, и Гюро знала, что мама скоро вернётся. Другое дело сегодня: Эрле уехала в город, она там ходила на курсы и училась всяким вещам, которые надо знать, чтобы ещё лучше выполнять работу дворника.

– Сама знаешь, Гюро, что я недостаточно разбираюсь в том, как устроена котельная, – сказала Эрле. – А раз уж я стала дворником и мы живём в этой квартире, я хочу как следует выполнять свою работу и потому мне надо два раза в неделю ходить на курсы.

Эрле хотела попросить Тюлиньку, чтобы та побыла с Гюро вечером, но не успела она об этом заговорить, как Тюлинька сказала:

– Представляешь себе, я сегодня приглашена и иду развлекаться.

– Идёшь развлекаться? – переспросила Эрле.

– Да, мы с Андерсеном идём в кино. Он уже столько раз меня звал, и вот сегодня я согласилась. А сначала поедим где-нибудь.

– Сегодня же холодно! – сказала Гюро.

– Мы пойдём в ресторан, – объяснила Тюлинька. – Андерсен угощает, и я закажу себе бифштекс. По-моему, нет ничего вкуснее бифштекса.

– Очень приятное приглашение! – сказала Эрле.

– Моей Лиллен я не буду ничего говорить, – сказала Тюлинька. – А то она сразу начнёт пугать, как это я решилась отправиться в город в вечернее время и так далее и что ездить на поезде – дело небезопасное. Но Андерсен сказал, что отправит меня домой на такси, так что всё будет очень шикарно. Хотя, по-моему, в этом нет никакой необходимости, я люблю ездить в поезде, где много народу.

– Сегодня какая-нибудь особенная дата, что вы её решили отпраздновать? – спросила Эрле.

– Да. У Андерсена день рождения, и он решил сделать себе такой подарок – пригласить меня в кино. Немножко странно, конечно. Разумеется, я тоже припасла для него подарок. Я купила тапочки, на его старых совсем стоптанные задники.

– Ну что ж! Остаётся только пожелать тебе приятно провести время, – сказала Эрле. – Передай Андерсену от нас привет и поздравление с днём рождения.

Тюлинька ушла, и Эрле сказала:

– Теперь я вообще не знаю, что и делать. Мне так хочется пойти на курсы, а с тобой некому посидеть. Как ты думаешь, ты могла бы побыть дома одна?

– А Бьёрн дома? – спросила Гюро.

– Нет, он тоже ездит на курсы, – сказала Эрле. – Понимаешь, нам там расскажут про совершенно новую вещь – полностью автоматизированную отопительную систему. Она работает сама, без посторонней помощи, но кое-что всё-таки мы должны о ней знать.

– Понятно, – вздохнула Гюро.

– Если будет звонить телефон, можешь не снимать трубку, – сказала Эрле. – Но если решишь ответить, то просто скажи, что я буду попозже. А если позвонят в дверь, то никому не открывай. Сделаем вид, как будто мы обе ушли и никого нет дома. Я оставлю тебе приготовленный ужин и постараюсь вернуться как можно скорей. Обещаю!

Когда мама это сказала, было ещё светло, они сидели за столом и обедали, так что Гюро на всё ответила: «Хорошо».

Она даже немножко гордилась собой, что так хорошо помогает маме и что она такая молодец – не боится оставаться дома одна.

Мама сказала:

– Ты у меня молодец, Гюро. Но в следующий раз я с кем-нибудь договорюсь, чтобы с тобой посидела Тюлинька или Грю.

На улице начинало темнеть, но было ещё не совсем темно, и Гюро пошла с мамой в последний обход. Мама везде проверила, всё ли в порядке в прачечной и в котельной, а затем подобрала валяющиеся бумажки, которые кто-то набросал.

– Ты поедешь на поезде, а Лиллен говорит: это дело небезопасное. Помнишь, что рассказывала Тюлинька?

– Ну что ты, ничего в этом нет опасного, – сказала мама. – А сегодня я еду с Бьёрном на машине, и это очень удачно, потому что так мне не надо спешить и выходить из дому заранее.

– А-а, – сказала Гюро.

Когда подъехал Бьёрн, она стояла у окна. Мама уже собралась и даже надела пальто, чтобы Бьёрну не надо было выходить из машины и звонить к ним в дверь. Гюро махала и махала им из окна. Мама и Бьёрн тоже помахали ей и уехали.

И вот Гюро осталась одна. Сначала это было даже интересно. Она пошла на кухню и посмотрела, что мама приготовила ей на ужин. Мама завернула еду в бумагу. Гюро отвернула бумагу и посмотрела, что под ней лежит. Там было три бутерброда. Один с сервелатом, другой с кружочками нарезанного яйца, а третий с мёдом, а ещё рядом с тарелкой лежала маленькая шоколадка в красном фантике и большое яблоко. Но Гюро ещё не очень проголодалась и решила подождать с ужином.

Она вернулась в гостиную, но там было как-то очень уж пусто. И чересчур тихо – так тихо, что Гюро захотелось включить радио: может быть, там будет музыка, и тогда музыка составит ей компанию. Она включила радио, но там передавали не музыку. Какой-то дядечка читал лекцию про нефть. Он говорил непонятными словами, и по его голосу казалось, что он на нефть сердится. Как-то уж очень строго он разговаривал. Гюро тоже рассердилась на нефть, ведь и мама ушла из-за этой нефти. Ушла на курсы для того, чтобы узнать, как топят этой нефтью дома, а Гюро из-за этого осталась одна. Уж лучше бы у них были такие печки, как в Гампетрефе. Там они с мамой садились возле печки и смотрели, как в ней горит огонь, и им было тепло и хорошо. И папа был рядом. Папа шёл в дровяной сарай и приносил оттуда дрова и укладывал их в печку, дрова весело трещали, а по радио передавали музыку, а папа щепал лучину про запас, чтобы у Эрле и Гюро завтра была растопка, а однажды взял и выстругал ей петушка с роскошным хвостом. Хвост был из маленьких лучинок, похожих на перья, и торчал веером. Когда мама увидела петушка, она тоже захотела попробовать и сделала собачку, а потом и Гюро дали построгать, и она порезала палец, и его пришлось перевязывать, было не очень больно, и на следующий день ей тоже разрешили строгать, и ещё на следующий, и у неё стало уже хорошо получаться.

Гюро выключила радио и подумала, что пора покушать, но решила, пускай рядом будет папа. Папин портрет стоит на столе в гостиной, а теперь они пойдут с ним на кухню.

Нет, ужинать в кухне что-то не хочется, и она решила поесть в гостиной и заодно поиграть в гости. Гостиными будут Вальдемар и Кристина, две куколки, которых ей подарила Тюлинька, а ещё тут понарошку соберутся мама, и папа, и Тюлинька. Мало ли, что она ушла в кино! А ещё будут Бьёрн, и Лилле-Бьёрн, и тётушка Забота из Гампетрефа! Вальдемара и Крестину Гюро усадила вдвоём на один стул, и вокруг стола осталось ещё много стульев для других гостей. Но стулья выглядели такими пустыми! Можно взять подушку с кровати, как будто это сидит

папа, и подушки с дивана – это как будто Тюлинька и тётушка. Но этого ещё не хватит. Можно взять подушки с маминой кровати. У мамы их две – одна маленькая и одна большая. Это будут Бьёрн и Лилле-Бьёрн. Ну, вот теперь, кажется, достаточно!

Ой, как же холодно в маминой спальне! Любит мама спать в холодной комнате. Окно у неё приоткрыто, а батарея отключена. Должно быть, мама забыла закрыть окошко. Мама часто напоминала Гюро, что нельзя оставлять окна открытыми, когда уходишь из дома: «Ведь мы с тобой живём на первом этаже – вдруг кто-нибудь вздумает без нас забраться в квартиру!» Что, если кто-нибудь возьмёт и украдёт папину скрипку, которую мама теперь отдала Гюро. Скрипка висела в её комнате. Сейчас квартира не стояла пустая, потому что Гюро-то была дома, но она решила всё же на всякий случай закрыть окно и быстренько закрыла. Затем схватила подушки с маминой кровати, затворила за собой дверь, вернулась в гостиную и поставила подушки на стулья.

– Давайте ужинать, угощайтесь, пожалуйста! – сказала Гюро не очень громко, потому что, хотя за столом и сидело много гостей, ей всё равно было как-то одиноко на душе. Она принесла из кухни еду, всех угостила и тут почувствовала, что ужасно проголодалась. Гюро начала с бутерброда с яйцом.

И тут она услышала какой-то звук: что-то зашумело, и шум шёл из маминой спальни. Вот снова! Как будто что-то бухнуло. В комнате кто-то есть! Мама ведь, уходя, забыла закрыть окно. Наверное, кто-то туда забрался до того, как Гюро его закрыла, и прятался в шкафу, когда она вошла в спальню! Гюро тихонько сползла со стула, на цыпочках вышла в переднюю, оттуда на лестницу и захлопнула за собой дверь.

И только тут она вспомнила, что у неё нет с собой ключа. Ключ лежал в уличных брюках, а они сушились на верёвке в ванной, потому что промокли, когда Гюро и Сократ во время утренней прогулки с Тюлинькой и Индивидом посидели на сыром мху.

Гюро не было страшно, когда она оказалась на лестничной площадке, но она бегом побежала вверх по лестнице, чтобы тот, кто прятался в маминой комнате, не успел бы её догнать, если выскочит. Гюро взлетела наверх и, только очутившись на третьем этаже, замедлила шаг. Она ступала медленно и старалась не шуметь. Она уже точно знала, куда ей идти. Она шла к дяде Эдварду. Там она будет в безопасности дожидаться маминого возвращения. Дядя Эдвард точно позволит ей остаться, даже если Сократ уже спит.

К дяде Эдварду нужно было подняться на девятый этаж. Она знала дорогу, потому что много раз там бывала, и ноги сами несли её куда нужно. Даже хорошо, что до девятого этажа так много пролётов, потому что Гюро уже как будто перестала бояться. Она шла не спеша, даже попробовала подпрыгивать со ступеньки на ступеньку и радовалась, когда у неё получалось. Жаль только, что она не захватила с собой вкусные бутерброды, приготовленные мамой! Надо было взять их с собой. Тогда она позвонила бы в квартиру Сократа и сказала: «Можно я у вас съем свой ужин?» Они бы все вместе сидели за кухонным столом, а папа Сократа рассказал бы что-нибудь интересное, у него всегда было что рассказать.

Но могло случиться и так, что его не будет дома. Сократ говорил, что его папа иногда уходит к кому-то играть на пианино. Но тётя Мари наверняка сейчас дома. Мари – это была мама Сократа, она очень хорошая и никогда не задаёт дурацких вопросов, вроде того, каково тебе живётся при маме-дворнике, как спрашивали другие женщины из их дома. Но с этими женщинами Гюро была не очень знакома, и её маму они тоже не очень хорошо знали.

А тётя Мари, та говорила: «Передай привет Эрле!» или «Как Эрле поживает?». Один раз у них с Гюро был очень серьёзный разговор, и тётя Мари сказала: «Как хорошо, Гюро, что Сократ познакомился с тобой. Он у нас немножко робеет с другими детьми, но мы надеемся, что это у него пройдёт. Ты приходи к нам почаще, когда захочешь. Мы любим гостей».

И вот Гюро добралась до девятого этажа и пошла по коридору. Еду она, правда, не захватила и не могла сказать, что хочет у них съесть свой ужин.

Тут из одной двери вышли какие-то люди. Наверное, они собирались куда-то пойти. Они кивнули девочке и сказали:

– Добрый вечер, Гюро! Никак ты тут одна бродишь по дому?

– Да, – ответила Гюро, но больше ничего не сказала.

Вот она уже почти дошла до двери Сократа. Она не собиралась говорить, что в маминной спальне кто-то есть, что она испугалась и всё такое. Не так уж она и боится, немножко только разволновалась. Гюро наконец придумала, что сказать, когда ей откроют: «Здрассте! А Сократ дома?»

Так будет лучше всего.

Она подошла к двери и позвонила.

Нечаянный переполох

Гюро ждала, но никто не открывал. Наконец за дверью послышались шаги. Дверь открылась, и она увидела незнакомую пожилую женщину.

– Здравствуйте! А Сократ дома? – спросила Гюро.

– Дома, – ответила женщина, – но он уже спит, и я думаю, нам не стоит его будить, мы с Авророй собираемся отдохнуть в тишине. Когда Сократ не спит, мне, знаешь, даже некогда с ней поговорить. Их родители ушли в гости. А как тебя зовут, девочка?

– Меня зовут Гюро, – ответила Гюро.

– Ах, так это ты подружка Сократа! Приходи поиграть завтра. Я не стану говорить Авроре, что ты приходила, она сейчас укладывается. Я купила интересную книжку, и мы с ней собираемся почитать. По-моему, и тебе сейчас лучше пойти домой и лечь в кровать.

– Хорошо, – сказала Гюро.

Она повернулась и спокойно пошла по коридору. Женщина затворила дверь, и вокруг стало тихо.

«Я могу пойти к Эви, – подумала Гюро. – Может быть, Нюсси ещё не ложилась и можно будет побыть у них».

Эви и Нюсси жили на одиннадцатом этаже, и Гюро вышла на лестницу и стала подниматься дальше – сначала на десятый, потом на одиннадцатый этаж. Где живёт Нюсси, она тоже хорошо знала, но теперь она передумала говорить «Здрассте! А Нюсси дома?», а решила, что лучше будет сказать: «Можно мне побыть у вас? Мама ушла, а в квартире у нас кто-то есть».

Она подошла к двери и позвонила. Внутри кто-то говорил громким голосом, словно это работало радио или, может быть, телевизор. У Нюсси был телевизор. Потом заиграла музыка, но затем наступила полная тишина. Может быть, они не расслышали звонка? Может быть, она так осторожно нажала на кнопку, что её не услышали? Гюро позвонила ещё раз, и теперь она хорошенько нажала на кнопку и держала долго, но никто не вышел и не открыл дверь.

Но в это время из квартиры по соседству вышли какие-то люди, и один из них посмотрел на Гюро и сказал:

– Что это ты до сих пор не спишь? Мне кажется, пора бы тебе бежать домой к маме.

– Хорошо, – сказала Гюро.

Она пошла прочь по коридору и услышала, как за спиной у неё кто-то сказал:

– Это дочка дворника. У нас женщина–дворник. С работой она неплохо справляется, но за счёт времени на воспитание ребёнка.

Гюро стала спускаться по лестнице, но на первый этаж побоялась возвращаться.

Она дошла только до второго этажа, а там повернула и снова стала подниматься вверх. Люди, которые заговорили с ней наверху, спустились на лифте, и она не боялась опять с ними встретиться.

Гюро всё шагала и шагала. На ходу почему-то было не так страшно и одиноко. Теперь она уже совсем медленно поднималась на тринадцатый этаж и, когда дошла, почувствовала, что ноги у неё очень устали, и она пошла по коридору. За дверями квартир слышались голоса, и от этого ей было как-то спокойнее, но все голоса были незнакомые, и она не звонила ни в одну дверь. Когда кто-нибудь выходил, Гюро нарочно прибавляла шагу, как будто куда-то спешит. Поэтому никто не удивлялся, почему это она так поздно не спит, а бродит по дому. Одежда на ней была домашняя, так что люди могли подумать, что девочка возвращается домой из гостей.

Теперь она стала делать так: поднимется на один этаж и идёт по коридору до самого конца, чтобы слышать голоса и звуки, несущиеся из квартир.

Так она обошла все этажи. Ножки у неё страшно устали, и она присела отдохнуть на ступеньке. Услышав приближающиеся шаги, Гюро сразу вскакивала и уходила. К счастью, это случилось редко, так как в большинстве случаев люди поднимались на лифте.

У Эрле и Бьёрна закончились занятия на курсах. Они пошли к машине, и по пути Бьёрн сказал:

– Мы ведь оба устали и проголодались. Не хотела бы ты зайти со мной в какое-нибудь кафе подкрепиться вкусным бутербродом? Я знаю поблизости симпатичную кафешку.

– Ох, я бы с удовольствием, если бы Гюро у меня оставалась дома под присмотром, но сегодня она одна. Думаю, что с ней всё хорошо, но всё-таки хочу поскорее домой.

– Как скажешь, – ответил Бьёрн. – Жаль, у меня сегодня не было Лилле-Бьёрна, а то он бы побыл с Гюро. Он бы с радостью с ней остался.

– Да, жаль, что его не было, – сказала Эрле. – Вдвоём им было бы лучше.

– Ну ничего. Отложим бутерброды до другого раза, – сказал Бьёрн. – А сейчас едем домой!

– Может быть, ты зайдёшь к нам покушать? – спросила Эрле. – Сегодня ради особого случая я купила вкусных вещей, чтобы Гюро в одиночестве было чем утешиться. Если к нашему приходу она ещё не будет спать, то очень тебе обрадуется.

– Я вовсе не хотел напрашиваться, – сказал Бьёрн. – Я сам собирался тебя угостить. Но я страшно проголодался и, раз так, принимаю приглашение.

Они поехали домой, но, подъехав к Тирилтопену, Бьёрн вместо привычной дороги свернул на другую. Остановившись на минутку, он сказал:

– Здесь строится новая школа, большая. Может быть, Гюро, когда подрастёт, будет в ней учиться.

Сейчас это была ещё только строительная площадка, и со всех сторон её освещали яркие прожектора.

– А что это за маленький домик строится возле неё? – спросила Эрле.

– Это домик для дворника, – сказал Бьёрн. – По-моему, выглядит очень приятно.

– Ты хочешь поступить туда работать? – спросила Эрле.

– Ещё не знаю, – сказал Бьёрн и тронулся дальше.

Дальше они ехали без остановок, пока не подъехали к корпусу «Ц».

– Спасибо, что подвёз, – поблагодарила Эрле, – а теперь пойдём к нам.

Она осторожно отперла замок и тихонько вошла, чтобы не разбудить Гюро, если та уже спит.

Увидев в гостиной подушки на стульях вокруг стола, она удивилась.

– Ну и зрелище! – сказала Эрле. – Во что это она тут играла?

– Наверное, в гости, – сказал Бьёрн. – Вон Вальдемар и Кристина сидят, как в гостях, а на столе стоит еда.

– Ой, она же совсем мало поела! – сказала Эрле. – погоди, я сейчас всё приберу и загляну к Гюро посмотреть, спит ли она. Бедняжка даже не забрала свою подушку.

Мама взяла со стула подушку Гюро и осторожно-осторожно открыла дверь в её комнату. Потом она заглянула в кроватку и увидела, что Гюро там нет.

– Ничего не понимаю! Её нет в кроватке, – сказала она Бьёрну. – Должно быть, устроилась в моей. Так ей показалось спокойнее. Вот мои подушки. Сейчас отнесу их на место.

Эрле отворила дверь, да так и отшатнулась от испуга, потому что из её комнаты пулей выскочила ей под ноги большая серая кошка.

– Ну и перепугалась же я! – сказала Эрле. – Откуда там взялась эта кошка? Неужели я забыла закрыть окно в своей спальне?

– Наверное, Гюро её впустила, чтобы не сидеть в одиночестве, – сказал Бьёрн. – Давай-ка я её вынесу на улицу.

Он подхватил кошку и вынес её из подъезда.

– Иди домой, киска, – сказал Бьёрн.

Но, вернувшись, понял, что в доме случилась беда.

– В моей постели её тоже нет, – сказала Эрле. – Бьёрн, Гюро пропала!

– Не надо сразу пугаться, – сказал Бьёрн. – Может быть, она ушла к кому-нибудь из знакомых.

– К Сократу! – догадалась Эрле. – Я сейчас позвоню и спрошу у Эдварда.

Но трубку взяла бабушка Сократа.

– Алло, – сказала она. – У телефона мать Эдварда. Я сегодня приехала из Бесбю. Сейчас я одна дома. Все ушли в гости. Гюро? Да, она заходила уже довольно давно и спрашивала, дома ли Сократ, но он тогда уже лёг, и я сказала ей, что он спит. Я сказала, чтобы она приходила к нам завтра.

– Спасибо. Извините, пожалуйста, – сказала Эрле. – Должно быть, она ушла к кому-то ещё. Понимаете, она у меня оставалась одна дома.

– Если б я только знала! – сказала бабушка Сократа. – Но она ничего об этом не говорила.

– Понятно, – сказала Эрле. – Я позвоню другим. Извините меня за такой поздний звонок.

– Ничего, – сказала бабушка. – Но меня теперь совесть мучит, что я её не впустила.

– Попробую позвонить Эви, – сказала Эрле. – Наверное, Гюро к ней пошла.

Она позвонила и туда и очень долго ждала, когда там возьмут трубку. Наконец ответила Нюсси.

– Я спала, – сказала она. – Но сейчас уже проснулась. Гюро? Нет. Вечером я была в квартире одна, и мама и папа сказали, чтобы я никому не открывала. Тут кто-то приходил и звонил несколько раз. Я немножко испугалась, но не очень сильно, и дверь не открыла. Я часто остаюсь одна, но люди в соседней квартире об этом знают, так что в случае чего я могу пойти к ним. Но я не пошла, а легла в кровать. Если б я знала, что это Гюро, я бы ей сразу открыла, вместе было бы лучше и веселей.

– Неужели она тёмной ночью ушла из дома? – сказала Эрле, положив трубку.

– Сначала посмотрим в доме, – сказал Бьёрн. – Я проверю верхние этажи, а ты – нижние. Загляни во все коридоры!

Пропавшую Гюро нашёл Бьёрн. Она сидела на ступеньке между десятым и одиннадцатым этажами и чуть не засыпала от усталости, но, едва услышав чьи-то шаги, вскочила и стала подниматься вверх.

– Привет, Гюро, – сказал Бьёрн. – Не бойся, это я.

Гюро обернулась на его голос, и Бьёрн увидел, что она еле держится на ногах. Он мигом взбежал вверх, перепрыгивая через ступеньки, и подхватил её на руки.

– Ого, какая ты стала тяжёлая! – сказал он. – И к тому же совсем сонная. Ну, разговаривать будем потом. Вот уж Эрле обрадуется!

По пути они заглянули во все коридоры и на пятом этаже наконец встретили Эрле. Она внимательно всматривалась во все углы, не спряталась ли там девочка.

– Вот она! – крикнул ей Бьёрн. – Цела и здорова, только ужасно усталая, так что отложим пока разговоры, а завтра она всё нам расскажет.

Он нёс Гюро на руках, а Гюро клевала носом и заснула прежде, чем они дошли до первого этажа.

Эрле уложила её в кроватку и растёрла замёрзшие ножки шерстяным шарфом, чтобы они согрелись.

Гюро почувствовала это сквозь сон, но у неё не было сил заговорить, ей казалось, что она куда-то погружается, а затем она поняла, что погрузилась в свои перинки.

Наконец Эрле и Бьёрн сели ужинать.

– Как ты думаешь, она нечаянно захлопнула дверь? – спросила Эрле. – Она ушла без ключа. Я поискала у неё в кармане, там его не было.

– Кто знает, – сказал Бьёрн. – Может быть, она просто решила пойти к Сократу.

– Ну, завтра спросим и узнаем.

– Мне тоже хочется знать, в чём тут дело, – сказал Бьёрн. – А теперь спасибо за угощение. Ты тоже сегодня, наверное, очень устала.

– Хорошо, что ты был рядом, – сказала Эрле. – Без тебя я бы так быстро её не нашла.

– Передай ей от меня завтра привет, когда проснётся, – сказал Бьёрн.

Эрле и Бьёрн ещё не знали, почему Гюро ушла из квартиры, и сама Гюро тоже не знала, что у неё побывала серая кошка, а очень жаль! Потому что с кошкой ей было бы веселее. Тогда бы она не чувствовала себя так одиноко и знала, что шум в маминой комнате не означал ничего страшного.

А сама кошка, из-за которой случился такой переполох, и тем более ничегошеньки не знала. Она просто отправилась вечером погулять, выскочила на улицу, побегала там и потом прилегла под кустиком. Но на улице было холодно, и тут вдруг она заметила приоткрытое окошко. Хорошо бы забраться туда, погреться, а не то, глядишь, кто-нибудь предложит ещё и блюдечко молочка на дорожку! Для кошки это было целое приключение. Сначала надо было высоко запрыгнуть на подоконник. Кошка долго лежала, примериваясь к прыжку, потом изловчилась и очутилась снаружи на подоконнике. Кошка была большая и пушистая, но пригнулась и стала такая маленькая, что сумела протиснуться в щёлочку, и соскочила на пол. Тут она увидела шкаф с приоткрытой дверцей, а внизу как раз лежал упавший с полки свитер Эрле. Такая тёпленькая подстилочка! Кошка решила на ней полежать, а уж потом пойти поискать молочка.

Вот тут-то Гюро, как видно, и зашла в комнату, закрыла окно и, захватив подушки, затворила за собой дверь. Кошка оказалась взаперти. Окно было закрыто. На всякий случай кошка вскочила на подоконник, чтобы проверить, затем спрыгнула прямо на туфли Эрле, стоявшие на полу, и наделала, конечно, шума.

Потом она, наверное, услышала, как Гюро захлопнула за собой входную дверь. Наступила тишина. Кошке ничего не оставалось, как только лежать и ждать, когда кто-нибудь её выпустит. Должно быть, поэтому она пулей выскочила из комнаты, когда Эрле наконец открыла дверь.

Теперь кошка снова оказалась на воле. Она собиралась провести на улице всю ночь, а утром вернуться к себе домой, где её конечно же ждёт блюдечко молока, а после можно уснуть и проспать хоть весь день до вечера.

Гюро спала, и Эрле спала, и Бьёрн спал, и Тюлинька вернулась домой и тоже спала, а в городе Андерсен у себя в пансионате сидел и разглядывал свои новые домашние туфли. Подарок ему очень понравился, но, налюбовавшись властью, он положил их обратно в коробку и надел старые шлёпанцы со стоптанными задниками, потому что так ему было привычнее, а обновку решил пока припрятать до какого-нибудь особо торжественного случая, когда надо будет пощеголять.

Страх понарошку

Наутро Гюро долго спала как убитая. Эрле много раз заглядывала к ней в комнату, наконец Гюро зашевелилась. Эрле уж совсем изголодалась, дожидаясь, когда проснётся Гюро, чтобы вместе позавтракать.

В доме было светло, и нигде не осталось ни следа затаившихся страхов. Эрле и Гюро сели за стол, и за завтраком Эрле рассказала дочке, что в её комнату вчера невесть как забралась большая кошка, она там и подняла шум.

– Ой, – воскликнула Гюро, – а я-то подумала, что кто-то затаился в шкафу, вот я и ушла! Я хотела пойти к дяде Эдварду и Сократу, а дяди Эдварда не было дома, была только их бабушка.

– Да, – подтвердила Эрле. – А Нюсси сидела дома одна и потому не открывала. Но ведь если бы ты подала голос, тебя бы впустили.

– Угу, – кивнула Гюро. – А потом меня нашёл Бьёрн. Это я помню.

– Да, – сказала Эрле. – А потом ты спала. В следующий раз, когда я поеду на курсы, ты не останешься одна. Обещаю. Как ты? Всё прошло? Ты больше не расстраиваешься?

– Не-а, – сказала Гюро.

Но по ней было видно, что она не такая, как всегда, потому что, когда Эрле собралась уходить – её вызвали в квартиру на третьем этаже, – Гюро заявила:

– Я с тобой. Я заходить не буду, только подожду тебя под дверью.

– Угу, – согласилась Эрле.

На лице у неё появилось задумчивое выражение: ведь обычно Гюро по утрам играла дома в ожидании Тюлиньки, а вот сегодня почему-то не захотела. Эрле нужно было всего лишь поменять прокладку в кране, так что она быстро с этим управилась, но потом пошла в котельную. И тут уж она сказала:

– Может быть, ты лучше оденешься и поиграешь во дворе? Скоро уже придёт Тюлинька, и ты её встретишь на улице.

На улице было прохладно, и свежий воздух приятно щекотал ноздри, кругом было светло, и Гюро вдруг стало так радостно на душе, что она бегом побежала к котельной впереди мамы, а когда мама туда зашла, она сказала:

– А теперь я побегу навстречу Тюлиньке.

Подбегая к корпусу «Ю», она увидела Бьёрна. Наверное, он будет расспрашивать про вчерашнее, что она тогда думала и что чувствовала и всякое такое. Гюро не хотелось об этом говорить, сейчас не хотелось. Бьёрн, конечно, увидел её, но не подал виду. Он только сказал:

– Привет, Гюро!

– Привет! – крикнула ему Гюро на бегу.

Она бежала так быстро, как только могла, почти не касаясь ногами земли, пока не добежала до корпуса «Ю». Остановившись, она долго не могла отдышаться, и тут как раз вышла Тюлинька.

– Как хорошо, что ты меня встречаешь! – сказала Тюлинька. – Сократ сегодня с нами не пойдёт, потому что у него гостит бабушка и они собираются съездить в город. Индивид уезжает, папочка берёт его с собой на машине. Так что мы с тобой остаёмся сегодня вдвоём. Сперва я немного побуду у тебя, чтобы принимать телефонные звонки. Я покажу тебе фотографии, которые сделала, и, может быть, немножко попишу. Как ты – хочешь ещё поиграть на дворе или посидишь со мной дома?

– Хочу посидеть дома.

Дорога от корпуса «Ю» до корпуса «Ц» была не длинная, но Гюро сделала её вчетверо длинней. Сначала она добежала до корпуса «Ц», затем бегом воротилась к Тюлиньке, затем

снова добежала до корпуса «Ц» и ещё раз пробежалась обратно, а затем спокойным шагом пошла рядом с Тюлинькой, потому что, наверное, выбилась из сил. Очувшившись в квартире, Тюлинька удивилась, глядя на Гюро: сначала девочка зашла в свою комнату и проверила, закрыто ли на задвижку окно, затем зашла в мамину и проверила окно там, затем заглянула в мамин шкаф и в свой, затем посмотрела, что делается под кроватями и в шкафчике на кухне, а в гостиной заглянула под диван и, только проделав всё это, наконец успокоилась.

Тюлинька недавно подарила ей большой альбом для рисования и много карандашей: зелёных, красных, синих и жёлтых. И вот Гюро села рисовать. Но она не пользовалась ни красным, ни синим, ни зелёным, ни жёлтым карандашом. Она нарисовала совершенно белый шкаф. Он получился белым, потому что она только обвела чёрным карандашом его контур на белой бумаге. В шкафу стоял дядька в чёрных брюках, чёрном пиджаке и чёрной шляпе.

– Страшный какой-то человек, – сказала Тюлинька.

Зазвонил телефон. Тюлинька взяла трубку и ответила, как всегда:

– Это квартира дворника. Что нужно ей передать? Да, так и есть, – говорила Тюлинька. – Нет, нет.

Это звонила Эрле, и она сказала:

– Я сейчас забежала к Бьёрну, он просил сказать ему, как там Гюро.

Затем она рассказала всё, что случилось вчера, и под конец сказала:

– Гюро ничего об этом не рассказывала?

– Нет, – ответила Тюлинька. – Ты хочешь с ней поговорить?

– Да. Так будет лучше, а то она подумает, что я с тобой о ней секретничаю.

– Хорошо, – сказала Тюлинька. – Гюро, это мама.

– Привет, – сказала Эрле. – Я только заскочила к Бьёрну. Он интересовался, как ты себя чувствуешь. Но он сам видел тебя сегодня, когда ты бежала через двор, так что я могла бы и не ходить к нему. Сейчас я собираюсь в Центр по делам, так что повидаемся во время второго завтрака. Вы же с Тюлинькой до этого никуда не уйдёте?

– Нет, – сказала Гюро. – Пока!

Тюлинька сидела за столом и писала в своём блокноте: «Одна маленькая девочка вчера натерпелась страху, потому что её оставили одну, а я, старая дура, сидела в кино. Знай я про это, мы с Андерсеном могли бы сходить в кино и в другой день, но я же не знала». Всё это она только написала, ведь Гюро же не умела читать, поэтому не беда, что она рассказала это на бумаге.

– А сейчас я покажу тебе мои снимки, – сказала Тюлинька. – На этой фотографии засняты ты, Сократ и Индивид. Видишь, он улыбается?

– А ещё он махает хвостом, – сказала Гюро.

– Да, он был чем-то взволнован.

– Хочешь посмотреть мой рисунок? – спросила Гюро.

– Давай посмотрим! – согласилась Тюлинька. – Ага! Вижу. Это человек в шкафу. Знаешь, когда я была маленькая, я как раз этого боялась, а ещё я боялась, вдруг кто-то прячется у меня под кроватью. А страшнее всего были плотные портьеры на двери.

– Порть... Как ты сказала? – спросила Гюро.

– Портьеры – это такие толстые занавески, их вешали зимой на дверях от холодного сквозняка. Представляешь себе, я всё время думала, что вдруг кто-то за ними спрятался!

– Да? – удивилась Гюро.

– И знаешь, почему я всего этого боялась? Потому что одна женщина, которая приходила помогать нам по дому после того, как умерла моя мама, говорила, что если я буду баловаться и не слушаться её, то придёт чужой дядька и заберёт меня. Иногда она говорила, что он уже стоит за портьерой, а иногда – что он лежит под кроватью.

– Как же тебе было не бояться! – сказала Гюро. – А моя мама мне никогда ничего такого не говорила, но я всё равно забоялась, потому что услышала какой-то шум. Мама сказала, что это была просто кошка, но я не знаю – вдруг это была не кошка. Я слышала, как в комнате что-то бухнулось – бух-бух!

– Знаешь, что сделал мой папа, когда узнал, какие у меня страхи? – спросила Тюлинька. – Сперва он выгнал эту женщину, чтобы она никогда больше не приходила, а после неё пришла другая, очень добрая, а потом пришла та, которая захотела остаться с нами навсегда, она стала моей новой мамой, и я её полюбила. Но это я тебе уже рассказывала.

– Угу, – кивнула Гюро.

– А знаешь, что ещё сделал мой папа, когда узнал, что я такая запуганная? Он сказал: «Давай теперь поиграем в то, чего ты больше всего боишься!» Он видел, что я всё время заглядываю под кровать, и за портьеры, и в шкаф. Представляешь себе, папа спрятался от меня и позвал, чтобы я его искала. Он только предупредил меня, что спрячется, а я его должна искать. Это было так интересно! Я немножко боялась, но в то же время это была такая весёлая игра, ведь найти я должна была не кого-нибудь, а папу. Его не оказалось ни в шкафу, ни за портьерами.

– Значит, он был под кроватью, – сказала Гюро.

– Ну да! – сказала Тюлинька. – И я достала до него пальцем, а он засмеялся и сказал, что ему щекотно, а затем выполз оттуда на четвереньках. Я помню, как он весь был в пыльных махрах, потому что женщина, которая тогда вела у нас хозяйство, отлынивала от мытья полов. На следующий день мы опять играли в эту игру, на этот раз папа спрятался за портьерой. Кажется, это было увлекательнее всего. Хотя я и знала, что там стоит папа, но всё равно немного побаивалась, а папа только говорил: «Загляни, загляни!» Потом сказал: «А теперь ты сама будешь человеком, который там прячется!» – и стал делать вид, как будто он боится, и уж так боялся, так боялся, что никак не решался найти меня, но в конце концов как будто набрался храбрости и отыскал меня во всех трёх укромных местах. Потом мы ещё повторяли эту игру, и под конец я совсем перестала бояться. По крайней мере, от этого страха я избавилась. И знаешь, что сказал мой папа? Он сказал, что все люди на свете чего-нибудь боятся. Страхи есть и у взрослых, и у детей, и это чистая правда. Мне часто бывает страшно. Я боюсь войны, мне бывает страшно, что вдруг я никому не нужна, бывает немножко страшно, когда иду поздно вечером, а впереди на тротуаре стоят, загораживая мне дорогу, какие-то люди и говорят громкими голосами. А ещё папа сказал, что ничего, если ты немного боишься. Страх тоже нужен, потому что, если человек ничего не боится, это может плохо кончиться.

– Давай поиграем, как будто ты боишься! – предложила Гюро.

– Давай! – сказала Тюлинька с таким выражением, словно она страшно обрадовалась, что первая будет изображать бояку.

– Тогда я должна сперва открыть окно, – сказала Гюро. – Пускай я как будто залезла в мамину комнату.

– До окна, пожалуй, высоковато, – сказала Тюлинька. – Хоть это и первый этаж, тебе пришлось бы притащить лесенку, чтобы в него забраться. Пускай понарошку у тебя будет лестница, а я как будто об этом не знаю. Я сижу в комнате одна-одинёшенька.

– И в комнате темно, – сказала Гюро. – Потому что у нас сейчас уже поздно. И вдруг ты слышишь шум.

Гюро скрылась в маминой комнате и подняла раму. Затем она долго-долго стояла в полной тишине, а затем взяла мамину туфлю и стукнула ею об пол. Затем она залезла в шкаф и почти до конца закрыла за собой дверцу. Тюлинька вошла в комнату и сказала:

– Я же ясно слышала, как что-то стукнуло. Может быть, это просто хлопнуло окно? Дайка я его затворю.

Она затворила окно, и тут из шкафа раздалось:

– У-у-у!

– Караул! – вскрикнула Тюлинька. – Там, наверное, кто-то есть. Что же мне делать? Убежать или заглянуть в шкаф? Пожалуй, я загляну. Была не была!

Она открыла дверцу, а Гюро из шкафа ещё раз сделала:

– У-у-у!

– Замечательная игра! – сказала Тюлинька. – Ты даже не представляешь себе – я почти взаправду испугалась. Сыграем наоборот: ты будешь мной, а я – тобой?

– Давай! – сказала Гюро. – Сейчас как будто вечер, я тут сижу, но нужно, чтобы на столе стояла еда, я тогда ужинала.

– А ты сделай понарошку, как будто ты кушаешь, – сказала Тюлинька. – Ну, я пошла.

– Не забудь открыть окно, – сказала Гюро, – а то ты не заберёшься в комнату.

– Ну конечно. А теперь начинаем играть.

– Только не сразу, – сказала Гюро. – Сначала я сижу одна.

– Ладно, – согласилась Тюлинька. – Спешить нам некуда.

Гюро осталась сидеть за столом. Сперва она понарошку начала есть, потом прислушалась, но ничего не услышала. В квартире было так тихо! Снаружи доносились какие-то звуки: во дворе слышались громкие голоса детей, кто-то вошёл в подъезд и пошёл к лифту, но в маминей спальне всё было тихо. Ага! Вот там что-то бухнуло. Вдруг Тюлинька упала и ушиб-

лась? Гюро бросилась в спальню, но там не было никого, и только окно стояло открытое. Гюро закрыла окно и сказала:

– Наверное, никого не было. Пойду обратно в гостиную.

Она снова села за стол и тут опять услышала шум. На этот раз в маминей комнате поднялся такой тарарам!

– Ой! – вскрикнула Гюро.

И тут как раз вернулась мама. Она вошла и сказала:

– Ну вот, сейчас сядем все втроём завтракать. А где же Тюлинька?

– Её тут нет, – сказала Гюро.

– Неужели ты тут совсем одна? – сказала мама. – Странно! Мне казалось, Тюлинька здесь. Разве не так? Я ведь разговаривала с ней по телефону. Или она пошла за Индивидом?

– Нет, его сегодня папа взял с собой в машину, – ответила Гюро.

Эрле посмотрела на страшную картинку, которую нарисовала Гюро, хотела что-то сказать, но тут они обе услышали из маминей комнаты шум и грохот.

– Господи, что там такое? – спросила мама. – Оставайся тут, Гюро, я сама пойду посмотрю. Неужели это опять та кошка? Нет, окно закрыто.

– Ну да, я его только что закрыла, – сказала Гюро.

– Тогда, наверное, всё-таки кошка. То же самое было вчера вечером. Она, конечно, залезла до того, как ты закрыла окно. Давай пойдём и посмотрим. Не боишься, Гюро?

– Не-а, – сказала Гюро.

Но из комнаты никакая кошка не выскочила, и мама очень удивилась.

– Заглянем в шкаф? – предложила Гюро.

– Можно и заглянуть, – сказала мама. – Кошка могла устроиться там на моей одежде.

Мама ощупала все углы в шкафу, но кошки не было, и вообще ничего такого там не было, кроме одежды, и обуви, и коробки с носовыми платками, и других мелочей.

– Но ведь мы же обе слышали шум! – сказала Эрле.

– Давай ляжем на пол и посмотрим под кроватью, – шёпотом сказала Гюро.

Эрле не засмеялась, она кивнула. Глядь – а под кроватью Тюлинька.

Эрле так и ахнула:

– Ну и напугала же ты меня, Тюлинька! Страх, да и только!

Гюро запрыгала на радостях, восклицая:

– А я не боюсь! Там страшно, а я не боялась! А мамочка бедная испугалась! Мы же просто играли. Тюлинька рассказала, когда она была маленькая, то очень боялась, вдруг кто-то спрячется за занавеской. И вот я спряталась в шкафу и её пугала, а потом она спряталась под кроватью, чтобы меня пугать.

– Оно и видно, Тюлинька, – сказала Эрле. – Надеюсь, ты там не очень перепачкалась у меня под кроватью.

Но Гюро и Эрле не отлынивали от мытья, и под кроватью всё было чисто. Выбравшись оттуда, Тюлинька сказала:

– Смотрите-ка, никаких махров не прицепилось! Ну, Эрле, что скажешь? Ловко я придумала спрятаться под кроватью? Если бы ты нашла меня в шкафу, ты бынисколько не удивилась.

– Правда, здорово! – сказала Гюро. – Но мама напугалась, бедненькая. Жаль только, у нас нет этих... порть... Как ты тогда говорила?

– Портьер, – подсказала Тюлинька.

– Тогда мама бы за ними спряталась, а мы бы с тобой обе её боялись!

Но Эрле не пришла в восторг от такого предложения, и они все втроём пошли на кухню и стали готовить завтрак. И тут Гюро вспомнила, о чём подумала вчера до того, как начались её страхи.

– Помнишь, как мы раньше строгали? – спросила она маму. – Сидели вечером на кухне и строгали? А в Тирилтопене тоже можно построгать?

– Хорошая мысль, – сказала мама. – Я хотела открыть у нас в корпусе столярные курсы, но мне не разрешили проводить их в мастерской для поделок: я там всё покрасила, и сказали, что жаль портить такую красоту. Теперь там будет комната для собраний. А вот построгать – это можно. Это мы сделаем! Как-нибудь, когда будете гулять с Индивидом в лесу, пособирайте там, если можете, разных веточек и корней, которые остались после прореживания.

– Уж это мы непременно сделаем, будь спокойна, – сказала Тюлинька.

– Мама, а сегодня ты опять поедешь на курсы?

– Сегодня нет. Только в пятницу, – сказала Эрле.

– И тогда я посижу с тобой, – сказала Тюлинька.

Скатить палубу

Было раннее утро. Перед завтраком Гюро и Эрле успели сделать пробежку по лесу, и, перед тем как Эрле нужно было уходить на работу, у них ещё осталось время для того, чтобы застелить постели. Сегодня у Эрле была работа на улице, и Гюро пошла с ней, чтобы помочь. Мама сказала, что должна хорошенько прибраться во дворе, чтобы к зиме всё было в порядке. Мама уже подстригла живую изгородь возле дороги, и на земле остались веточки. Они лежали повсюду. Мама, наверное, была рада, что Гюро пошла с ней. Гюро не ленилась и всё подбирала. Больших веток не было, одни только мелкие, но зато их было очень много, и Гюро ни одной не пропустила. Поработав так некоторое время, они вернулись в дом, потому что начался дождь.

– Может быть, тебе не хочется оставаться в квартире, пока не пришла Тюлинька, – сказала мама.

– Ничего! – ответила Гюро. Ведь сейчас было светло и она не боялась немножко посидеть дома одна.

Она пошла в свою комнатку и сняла со стены папину старую скрипку. Она ещё не умела на ней играть, но всё равно ей нравилось пробовать. Скрипка как будто заменяла ей подружку, а ещё это было приятно из-за того, что раньше на ней играл папа. Гюро положила скрипку себе на плечо, прижала подбородком, стараясь держать её как надо, затем взяла смычок и провела по одной струне, потом по двум – скрипка мяукнула. Может быть, это мяуканье услышит большая серая кошка, которая приходила к ним в гости, подумает, что тут тоже есть кошка и с ней можно поговорить. Гюро подошла к окну, но на улице не видно было ни одной кошки, и окно было закрыто, так что кошка всё равно не смогла бы залезть, даже если бы захотела. Если бы Гюро её увидела, она приоткрыла бы окно на щёлочку – вдруг кошка всё-таки решит зайти. Она ещё понарошку поиграла на скрипке, подпевая себе, чтобы получилось, как будто это звучит скрипка, и в самый разгар этого занятия замок в двери щёлкнул и вошла Тюлинька, у неё был ключ.

– Привет, – сказала Тюлинька, – я услышала, как ты играешь. Эта скрипка для тебя ещё велика. Тебе бы надо для начала маленькую, а на большой будешь играть, когда вырастешь... Погода отвратительная, – добавила она. – Поэтому сегодня я поработаю дома. Никто ещё не звонил?

– Нет, – сказала Гюро.

– Я принесла с собой фотографии и дневник. Так что сразу примусь за дело.

Тюлинька, как видно, пришла в рабочем настроении. Она была большая мастерица писать и отвечать по телефону, и только одна вещь у неё не очень хорошо получалась – это уборка квартиры.

Почти всю жизнь Тюлинька прожила в пансионате и привыкла, что, когда она возвращается с работы, в комнате уже прибрано. Поэтому она, наверное, считала, что и теперь всё будет делаться само собой, но это оказалось не так. Время от времени она пыталась, как умела, прибрать и навести чистоту, но ей никогда не удавалось навести настоящий порядок.

Сегодня же она сказала:

– Знаешь, Гюро, а у меня сегодня помощник по хозяйству.

– Да-а? – откликнулась Гюро. – Это кто? Мама Нюсси?

– Эви? Нет, не угадала! У неё и без меня достаточно дел, она же помогает в доме престарелых, поэтому я не хотела её беспокоить. Никогда не угадаешь, кто это!

– Грю? – спросила Гюро. – Девочка, которая смотрела тогда за Ларсом?

– Нет. Хотя Грю наверняка помогла бы мне, если бы я вспомнила, что можно её попросить. Грю – славная девочка.

– Ну, тогда я не знаю, – сказала Гюро. – Может быть, Лиллен?

– Ну что ты! – засмеялась Тюлинька. – Лиллен говорит, что доктор запретил ей поднимать тяжести и вообще почти ничего не разрешает делать. Лучше я сама тебе скажу. Это Андерсен. Он был у меня, как всегда, в субботу и сказал: «Тюлинька, я не прочь подраить у тебя палубу!» Он же бывший моряк, а на корабле пол называется палубой. «Ну, замечательно! – сказала я. – А то я всё никак не могла выбрать для этого время». Но, помыв у меня пол, он сказал: «Пожалуй, я приду и скачу всю квартиру!»

– А что такое «скачу»?

– А это на кораблях так моют палубу: берут ведро и плескают на палубу или поливают из шланга – это такая длинная резиновая труба, – и вода смывает в море всю грязь.

– А что, Андерсен попросит шланг у Бьёрна? – спросила Гюро.

– Ну что ты! Он моет чинно и аккуратно щёткой и тряпкой, – сказала Тюлинька, – он только в шутку сказал, что «скатит». Он ещё собирался и обед приготовить. Говорит, что ему очень нравится работать на камбузе.

– На камбузе? – спросила Гюро.

– Так на корабле называется кухня, – объяснила Тюлинька. – Так что сегодня меня будет ждать дома готовый обед.

Вскоре раздался звонок в дверь, это пришёл Сократ. У него были с собой бутерброды и бутылочка молока, а ещё он принёс большой свёрток.

– Что это? – спросила Гюро.

Сократ развернул свёрток, и там оказался Чучело. Так звали огромную куклу Сократа. Сократ не хотел, чтобы другие дети в доме её видели. Так было потому, что в день, когда Сократ приехал сюда из Фабельвика, дети недружелюбно его встретили. Поэтому он попросил папу хорошенько завернуть Чучело, чтобы никто его не видел. Но здесь, у Гюро, Чучелу ничего не грозило, так что бумагу, в которую он был обернут, убрали.

– Давай играть на диванчике, будем играть, как будто это корабль.

Сократ очень обрадовался, потому что раньше это именно он всегда хотел играть в эту игру.

– Диванчик – это ботик, – сказал он.

– Нет, – не согласилась Гюро. – Диванчик будет барка.

– У барки же нет мотора, – огорчился Сократ.

– Ну и что! Мы будем грести вёслами и кататься по озеру, – сказала Гюро.

– У нас же нет вёсел, – сказал Сократ.

– А вот и есть, – сказала Гюро. – Я принесу швабру и мамин зонтик. Вот у нас и будут вёсла, мы будем грести тихонько, чтобы не потревожить водяного.

– Водяного? – удивился Сократ.

– Ну да. Водяной живёт на дне озера. Он немного страшный, но ничего нам не сделает, если мы его не рассердим. Нужно только не трогать русалочки розы. Их ещё называют водяными лилиями, но Бьёрн говорит, что «русалочки розы» звучит красивее.

– Ну давай! – сказал Сократ. – Неси сюда вёсла. Только тут же нету роз водяного.

Роз действительно не было. Вчера Эрле помыла пол в комнате Гюро, и там вообще не было ни пылинки.

– А мы сходим на улицу и нарвём травы, – сказала Гюро. – А ещё я знаю, где лежат веточки, мы с мамой их недавно собрали. Из веточек можно построить бобровую хатку. Бьёрн сказал, что на озере живут бобры.

Гюро крикнула в гостиную, где сидела Тюлинька:

– Мы только сбегали на улицу и сразу вернёмся. Мы тут играем в моей комнате.

– Хорошо, – сказала Тюлинька. – Джемпер надела?

– Надела, – крикнула Гюро.

– Тогда не закрывай дверь, – сказала Тюлинька, – чтобы мне не ходить лишней раз открывать, я тут как раз пишу и не хочу отрываться.

Гюро и Сократ выбежали на двор, трава была непривычно жёсткая, она уже подвяла, и её прихватило морозом, но немножко они нарвали. Из собранных раньше веточек Гюро прихватила столько, сколько они могли унести.

Они вернулись в квартиру, а Тюлинька была так погружена в свою работу, что даже не подняла головы, когда они пробежали в комнату Гюро. На озере появились русалочки розы и бобровая хатка.

– Вальдемар будет бобром, – сказала Гюро. – А Кристина – рыбкой и будет плавать под водой, а Чучело – водяной и лежит под диванчиком. Если сунуть ногу в воду, он подплывёт и будет нас щекотать.

Диванчик они немножко отодвинули от стены, чтобы сесть по разные стороны. Сократ получил швабру – это было его весло. Гюро взяла как весло зонтик, они начали грести тихонько и осторожно, чтобы не потревожить водяного.

Но тут Сократ не утерпел и спустил ногу с дивана, он попал ступнёй прямо на Чучело, и ему стало страшно щекотно.

– Водяной меня пощекотал, – серьёзно сказал Сократ. – Надо грести ещё осторожнее.

Но, поплавав немного по озеру, они увидели, что ничего не происходит, и тогда Гюро сказала:

– Давай лучше играть, как будто вся комната – корабль, так на нём больше места.

– Тогда это будет не плоскодонка, – сказал Сократ. – Тогда это уже ботик или большая-пребольшая рыбацья шхуна.

– Или большой корабль. Я раз была на таком, – сказала Гюро. – А пол в комнате – это палуба.

– Фу ты, до чего грязная палуба! – сказал Сократ.

И он был прав, потому что по полу были разбросаны пучки травы и ветки.

– Надо скатить палубу, – сделав серьёзное лицо, сказала Гюро.

– Скатить? – переспросил Сократ.

– Да. Это делают так – плескают на пол ведро воды, – объяснила Гюро, – и тогда он станет чистым. Сейчас я сбегаю на камбуз за водой.

– Хорошо, – сказал Сократ. Он уже знал, что такое камбуз.

Гюро не стала наливать полное ведро. Она наполнила его только до половины и, вернувшись в комнату, спросила:

– Как будем скатывать – сначала я, а потом ты?

– Только не выливай сразу всю воду, оставь мне тоже, – сказал Сократ.

– Ладно. Я только половину.

Гюро наклонила ведро, а затем качнула, вода полилась широкой струёй.

– Стоп! – сказал Сократ. – Теперь моя очередь.

Ведро стало уже гораздо легче, так что он взял его в руки и плеснул. Вода звонко шлёпнулась на пол. Тюлинька прибежала на шум.

– Караул! – воскликнула Тюлинька. – Что это вы – опрокинули ведро?

– Мы скатили палубу, а то здесь было так грязно, – объяснила Гюро.

Тюлинька застыла на месте, глядя на разливающуюся по полу воду, в которой, как кораблики, плавали травинки.

– Неси скорей половую тряпку, Гюро! И где у вас банные полотенца? Живей, живей, а то будет беда. Что же я наделала! Нарасказывала девочке моряцких историй, а она всё приняла всерьёз!

Тюлинька схватила половую тряпку и принялась собирать воду, а потом отжимать её в ведро. Посмотрев, что делает Тюлинька, Гюро схватила махровое полотенце и стала делать то же самое.

– Ой! Чучело намок! – сказал Сократ.

– Отожми его, – посоветовала Тюлинька.

Ползая на четвереньках, она продолжала вытирать пол.

– Хорошо, что я сразу заметила, – сказала она. – Думаю, что всё обойдётся. Надо же, сколько тут мусора!

– Это были русалочки розы, – сказала Гюро. – Раньше были.

– Это надо же! Надо же было такое придумать, – приговаривала Тюлинька. – Принеси мешок для мусора, чтобы было куда выбросить. И подберите веточки!

Гюро побежала уносить ветки, а Сократ всё ещё был занят тем, что отжимал Чучело.

– Мы его повесим на верёвочку, и он высохнет, – сказала Тюлинька. – Ишь, озорник, вздумал купаться в середине октября!

– Он не купался, – сказал Сократ. – Он был водяной и жил на дне озера.

– Ох! – вздохнула Тюлинька. – Слава богу, мы, кажется, собрали всю воду. Но полотенца Эрле выглядят после этого неважнецки.

Тюлинька и сама выглядела неважнецки после того, как поползала на четвереньках по мокрому полу. Вошла Гюро и сказала:

– А вот и мама пришла.

– Я всё объясню, – сказала Тюлинька.

Взглянув на неё, Эрле сказала:

– Что это ты, Тюлинька? Никак ходила купаться? И что вообще тут происходит? Зачем ты ещё вздумала мыть полы, когда и так сидишь с детьми и дежуришь на телефоне?

– Дело в том, – начала Тюлинька, – что Андерсен – моряк, то есть раньше был моряком, и я рассказала Гюро, что он собирается скатить у меня в квартире полы. И вот дети стали играть, как будто они корабельная команда и увидели, что палуба грязная.

– Да я же тут только вчера помыла пол! – сказала Эрле.

– Да, но сначала у нас был не корабль, а озеро, которое у Бьёрна, – сказала Гюро. – А на озере должны быть русалочки розы, и мы сделали их из травы, а из веточек бобровую хатку... Ой, Сократ! Вальдемар и Кристина тоже промокли.

– Погоди, Гюро! Расскажи сначала, всё по порядку, – остановила её Эрле. – Чтобы уж с этим покончить.

– Хорошо, – сказала Гюро. – А потом мы играли, что вся комната – это корабль. Нельзя же, чтобы палуба была такая грязная, вот мы и полили её.

– Полили? – удивилась Эрле.

– Ну да. Всего-то полведёрка! – сказала Гюро. – И мы с Сократом по очереди её скатили.

– Это как же так? Вы что, весь пол залили водой? – удивлённо воскликнула Эрле. – Гюро! Разве ты не понимаешь, что от этого могла случиться протечка? На шестом этаже один ребёнок ушёл, забыв закрыть кран. Так им пришлось потом снимать весь пол и класть новый, и это обошлось им в несколько тысяч крон.

– Это я виновата, – сказала Тюлинька. – Я рассказала им про то, как скатывают водой палубу.

– Я-то думала, что могу быть спокойна, когда дети находятся под присмотром взрослого человека! – возмущалась Эрле.

Потом Эрле посмотрела на несчастную тройцу. Сократ стоял, сжимая в объятиях мокрого Чучело. Гюро только молча смотрела на маму, а Тюлинька уползла под кровать.

– Я только проверить, не осталось ли где воды, – сказала она.

Но Гюро была уверена, что Тюлинька просто хотела спрятаться.

– Ну, хорошо, – сказала Эрле уже спокойно. – Гюро, как ты думаешь, куда девается вода, когда скатывают палубу? Иначе говоря, куда она уходит, когда моют палубу?

– Вода стекает в море, – сказал Сократ. – Я сам видел, как это делают.

– Вот именно! – сказала Эрле. – А тут где море? Тут же ей некуда стекать. Хорошо, что с вами была Тюлинька и вы вовремя собрали всю воду.

– Твои полотенца неважно после этого выглядят, – расстроилась Тюлинька. – Но мы в спешке ничего другого не нашли.

– Полотенца отстираются, – сказала Эрле. – А ну-ка, Гюро и Сократ! Полезайте под диванчик и потыкайте пальцами по всем углам, не осталось ли где-нибудь мокро...

Эрле ходила на кухню за новым ведром чистой воды, отжала половую тряпку и ещё раз насухо протёрла весь пол. Больше она ничего не сказала, но Гюро знала: если мама так быстро трёт пол, значит, она ещё не перестала сердиться.

Тюлинька ушла на кухню готовить бутерброды для завтрака. Она, похоже, ещё не оправилась от испуга и напевала что-то тоненьким голоском, а Гюро знала, что так она делает, когда хочет заглушить страх. Тюлинька пела про водяного: «Приникнув ухом к ручью, я слушала его пение...»

Потом, когда они сели завтракать, Эрле посмотрела по очереди на всех троих и сказала:

– Хватит смотреть испуганными глазами! Я уже не сержусь. И вообще, лучше уж высказать сразу всё, что думаешь, чем потом целый день дуться. Расскажите-ка мне про вашего водяного. Что же у вас – Чучело был водяным?

– Да, – сказал Сократ.

– А теперь он сушится на верёвке вместе с Вальдемаром и Кристиной, – сказала Тюлинька. – Знаете что? – спросила она уже так весело, что видно было, что она успокоилась. –

Знаете, что думали про водяного в старые времена? Тогда думали, что он иногда учит людей играть на скрипке, если только человек задобрит его подарком.

– Ой! – воскликнула Гюро. – А я ему ничего не подарила!

– Ну как же! Очень даже подарила, – сказала Тюлинька. – Ведь вы с Сократом играли, что он живёт тут у вас в озере. Значит, вы о нём вспомнили. Для него это был хороший подарок.

– Кстати, кто-то ведь собирался сходить в лес и набрать там красивых веточек и корешков для поделок, – напомнила Эрле.

– Завтра дождь не дождь, а мы обязательно сходим! – сказала Тюлинька.

– Вот и хорошо, – сказала Эрле. – Ну, я побежала. Теперь уж я точно буду уверена, что, когда вернусь, не застану дома наводнения.

– Не застанешь. Потому что теперь это не корабль, а обыкновенная квартира, – успокоила её Гюро, пошла в свою комнату и посмотрела на папину скрипку. Может быть, в один прекрасный день водяной научит её на ней играть.

Лес

Самое лучшее в Тирилтопене – это лес. Лес, конечно, был не в самом Тирилтопене, а рядом. Лес был такой большой, что его даже за несколько дней не пройдёшь, так сказал Бьёрн.

И вот что удивительно! Гюро и Эрле гуляли в лесу утром перед завтраком, и тогда это был утренний лес. Они шли быстрым шагом, иногда переходили на бег, так что лес был ещё и бегучий. У них было мало времени, потому что перед прогулкой Эрле заранее включала конфорку под кофейником. Иногда они так быстро бегали, что возвращались с прогулки убежавшиеся до упаду.

Однажды в воскресенье они ходили в лес с Бьёрном. Тогда лес был очень таинственным. Бьёрн был заядлый грибник, и он завёл их в самую чащу, там было темно. Грибы любят выбирать глухие и сырые места. Под деревьями пахло опавшей листвой, густо покрывавшей землю, а ещё хвоей. Гюро не было страшно, хотя тёмная чаща могла навести страх. В тот раз они забрели очень далеко в лес, и под конец Бьёрн сказал, что Гюро вела себя молодцом и, если она устала, он возьмёт её на закорки.

Конечно же она очень скоро пожаловалась, что ужасно устала, и Бьёрн взял её на спину, и она ехала высоко над землёй. Тут лес стал опять совсем другим, не таким, как всегда. Он покачивался вверх-вниз вместе с Гюро. Это был лес-качалка.

Когда они гуляли в лесу с Тюлинькой, то всё время останавливались, чтобы посмотреть, что вокруг, – в лесу то и дело встречалось что-нибудь удивительное. Сегодня день был ясный и морозный. Вчера днём шёл дождь, а ночью тучи развеялись, и все лужицы покрылись корочкой льда.

Гюро, и Тюлинька, и Сократ, и Индивид отправились на большую прогулку. Сократ и Гюро захватили с собой рюкзаки. У Тюлиньки тоже был рюкзак, она одолжила его у Эрле.

Когда они вышли из дома, Индивид так и рванул вперёд и потащил за собой Тюлиньку. А на тротуаре было много скользких мест, и Тюлиньке приходилось и бежать, и удерживать Индивида, и смотреть под ноги, чтобы не поскользнуться и не упасть. Когда она оскальзывалась, Гюро и Сократ старались её поддержать, и все вместе они то бежали, то останавливались и снова пускались бегом.

Когда по дороге встречались другие дети, Сократ скорее цеплялся за Тюлиньку и за Индивида: он немного побаивался детей, которые жили в Тирилтопене. Тюлинька делала вид, что ничего особенного не замечает, и Гюро тоже. Гюро других детей не боялась, а вот Сократ боялся, и незачем об этом лишний раз напоминать.

Дойдя до лесной дороги, Тюлинька спустила Индивида с поводка, ведь они были уже давно знакомы и она больше не боялась, что он убежит.

Войдя в лес, все начали собирать разные интересные вещи, которые то и дело попадались под ногами, стоило лишь немного отойти от дороги. Недавно тут рубили деревья, но лесорубам нужны были только большие стволы, а всякие веточки, корни и сучья они бросили на земле. Уже скоро рюкзаки были битком набиты находками. Индивид увидел, чем заняты остальные, и тоже нашёл здоровенную корягу и стал носиться с ней, то и дело задевая своих спутников. Глядя на это, Тюлинька наконец сказала:

– Давай-ка успокойся немножко, Индивид, и поди сюда! Я сяду на пенёк, а ты посиди со мной.

Индивид не захотел садиться, он решил, что сам знает, чем ему лучше заняться. Он улёгся и принялся грызть корягу. Гюро и Сократ тоже выбрали по пеньку, сели и стали оглядываться вокруг. Вдруг Сократ вскочил и со всех ног припустил вниз к дороге.

– Что это он? – спросила Тюлинька.

– Там какой-то мальчик, – сказала Гюро. – У него за плечами мешок.

– Наверное, школьник, – решила Тюлинька. – Что за чудеса! Сократ так и помчался к нему, а ведь он боится чужих детей.

Было видно, что этого мальчика Сократ не боится, он бросился ему навстречу и даже наткнулся на него со всего разбега, а потом запрыгал от радости, говоря что-то и размахивая руками.

– Он показывает на нас, – сказала Гюро.

Индивид поднялся с земли. Он тоже не понял, в чём дело и почему Сократ вдруг убежал, но Индивид любил знакомиться с новыми людьми и тоже во всю прыть пустился со склона туда, где стояли Сократ и незнакомый мальчик. И тут уж он устроил такое, что только держись! Но мальчик, казалось, ничуть не испугался, хотя Индивид был очень сильной собакой и своими приветствованиями вполне мог свалить человека с ног.

– Пойдём спустимся к ним, – решила Тюлинька.

– Это Мортен, – сказал Сократ. – Я знаю его, мы много раз бывали у него в гостях. Папа очень любит бабулю и всех остальных.

– Бабуля! – догадалась Тюлинька. – Та, что живёт в лесном домике. Помнишь, Гюро, как Индивид забежал к ним во двор? Там ещё была маленькая собачка, и они вместе поиграли.

– Это Самоварная Труба, – сказал Сократ. – Там ещё живут восемь детей, корова Роза и Бычок, хотя на самом деле он большой, и пять куриц.

– Подумать только, сколько ты всего знаешь, Сократ! – сказала Тюлинька. – Вижу, что это приятная встреча. Так тебя зовут Мортен?

– Да, – сказал мальчик.

Как видно, он был не из говорливых, зато очень добрый и приветливый. Он поглаживал Индивида, слушал, что говорит Сократ, и посматривал на Гюро и Тюлиньку. Взглянув на рюкзаки, из которых торчали ветки, он спросил:

– Хворосту набрали?

– К сожалению, в наших корпусах нет печей, – сказала Тюлинька. – Но мы собираемся вырезать из веток поделки.

– Хорошая забава, – сказал Мортен. – Мы с бабулей тоже вырезаем, а бывает, столярничаем.

Индивид покончил с приветствиями, и ему пришла в голову новая затея. У него была хорошая память, в особенности когда дело касалось еды. Он вспомнил, что в лесу есть домик, а там живёт добрая женщина, у которой в кармане передника лежит печенье. Может быть, он вспомнил и собачку, и как весело они носились с ней по двору, но, главное, он вспомнил печенье и дунул туда. Он не собирался убежать от Тюлиньки и детей, ему просто захотелось сбегать к домику, чтобы узнать, не дадут ли ему и сегодня печеньица. Индивид бежал очень быстро, когда хотел. Распустив по ветру пушистый хвост, он во весь дух понёсся по дороге.

– Стой! Стоять! Лежать! – кричала Тюлинька. – Индивид! Слышишь ты, что тебе говорят?

Но пёс делал вид, что ничего не слышит, и даже не оглянулся. Гюро, Сократ и Мортен бросились его догонять. Тюлинька не могла так быстро бегать и сказала:

– Я за вами. Приду, как только смогу. Только бы он у нас не сбежал!

Гюро бежала так быстро, что не отставала от Мортена, хотя тот и был старше, ведь Мортен был уже школьник. Сократ тоже старался не отставать, но, пробежав немного, он повернул назад к Тюлиньке. Сократ всегда любил, чтобы все были вместе, а раз Тюлинька не могла так быстро бегать, то он поневоле вернулся за ней.

Наконец они прибежали к лесному домику. Мортен и Гюро уже ждали их у ворот, а по двору как угорелый носился наперегонки с маленькой коричневой собачкой Индивид, и обе собаки ужасно радовались. Глядя на эту суматоху, Мортен крикнул:

– Осторожно, бабуленька! Не выходи из дома, а то, чего доброго, они собьют тебя с ног! Из дома показалась та, кого он назвал бабуленькой. Она посмотрела на собачью беготню с порога и только сказала:

– Ишь, разбегались как ужаленные!

Наконец обе собаки утомились. Гости вошли во двор, а бабушка вышла им навстречу.

– Никак ты гостей привёл? Глянь-ка, да это ж Сократ! Вот хорошо-то! Я, как знала, напекла вафель, день-то особенный.

– Действительно! Вы и флаг подняли, – сказала Тюлинька, увидев малюсенькую мачту, на которой развевался флаг.

– Вы празднуете чей-нибудь день рождения? – спросила Гюро.

– Нынче день рождения у всего земного шара, – сказала бабуля. – Это день ООН. В этот день мы вспоминаем о том, что люди должны по-человечески относиться друг к другу и что никто не должен голодать и все вместе должны договориться между собой о том, как сделать, чтобы всем людям жилось одинаково хорошо.

– Этого быстро не сделаешь, – сказала Тюлинька. – Очень уж много людей, которым плохо живётся. Во многих странах идёт война, и сколько ни пиши на бумаге, что все люди имеют право есть досыта и право на то, чтобы мирно трудиться, от этого мало что меняется.

– Верно, быстро это не сделается, – сказала бабушка. – Но нельзя терять надежду. А те, кто сейчас ещё только растут, с малых лет должны следить, чтобы никто никого не обижал.

– А меня дети стали обижать, когда я приехал с Чучелом, – сказал Сократ. – И я испугался, а Гюро мне помогла.

– Чучело – это такая замечательная кукла, которая есть у Сократа, – объяснила Тюлинька.

– Знаю, знаю, – сказала бабушка.

– В школе сегодня двое больших напали на одного маленького, – сказал Мортен, – и отняли у него ластик.

– Ну а ты что? – спросила бабушка.

- Я отдал ему свой, – ответил Мортен.
- Так ты теперь остался без ластика? – спросила Тюлинька.
- Не, – сказал Мортен. – Мона отдала мне половинку своего.
- Вот это молодец! – похвалила бабушка.

Индивид немного отдышался после беготни и вспомнил, зачем он сюда бежал. Он подошёл к бабушке и потянул носом, умильно глядя на большой карман её фартука.

– Правильно, я же обещала вам вафли, – сказала бабушка, – а Индивид запомнил. Пожалуйста в дом, гости дорогие!

Они вошли в просторную кухню лесного дома. Тут ведь жило столько народу – восемь детей, мама, папа и бабушка, которые любили собираться за одним столом. Чтобы всем сразу за ним усесться, нужно было много места.

– Мама наша ушла на музыку. Учится играть на флейте, – рассказывала бабушка. – Папа уехал на грузовике, ребята все в школе. А у Мортена сегодня только два урока. Я-то думала, остались мы с ним одни, а тут и вы пришли, вот у нас и гости есть. Прошу вас, берите вафли, угощайтесь на здоровье.

Никто не стал отказываться. Вафли были только что испечённые, а все нагуляли аппетит.

Потом Тюлинька с бабушкой посидели и поговорили. Дети ушли на двор играть с Самоварной Трубой и Индивидом.

– Заходите ещё, не забывайте нас, – сказала бабушка, когда гости собрались уходить. – Индивид-то наверняка ещё прибежит. Самоварная Труба уж вот как будет рада, ей тоже поболтать с кем-то охота.

На пути домой по лесной дороге Тюлинька сказала:

– Вот у меня и появилась новая подружка. Она зовёт меня в швейный клуб, куда она ходит. Там собирается несколько женщин. Она сказала, там будет бабушка Сократа и женщина, которую зовут Лужица, а ещё бабушка Уле-Александра – кто это, я ещё не знаю, – и тётушка О... Как же её звали?

– Олеа, – подсказал Сократ.

– Подумайте только! Ты и это знаешь? – удивилась Тюлинька.

– Ага. Весь швейный клуб приезжал к нам в гости, когда мы были в Голландии и в Фабельвике.

– Ты уже сегодня пойдёшь в этот швейный клуб? – озабоченно спросила Гюро.

– Нет, что ты! Сегодня вечером я остаюсь с тобой, – сказала Тюлинька. – Мама же уходит на курсы. В швейный клуб я иду только на той неделе во вторник, – успокоила её Тюлинька.

– Тогда хорошо, – сказала Гюро.

– А теперь нам пора домой – заняться вырезанием, даром мы, что ли, собирали веточки! – сказала Тюлинька. – Кажется, придётся идти к тебе с Индивидом, я хочу сначала освободиться от рюкзака.

Дома их ждала неожиданность: у стены на видном месте красовался голубой ящик для хвороста с замком на крышке.

– Это же наш ящик! – обрадовалась Гюро. – Он стоял у нас в Гампетрефе.

Она была очень рада, что ящик вернулся, потому что давно привыкла к нему как к старому знакомому.

– Эрле поставила его, чтобы мы вытряхнули туда всё, что принесём, – сказала Тюлинька.

Первым вытряхнул свой рюкзак Сократ, затем – Гюро, а после них – Тюлинька. И ящик так переполнился, что им еле удалось закрыть крышку.

А тут и Эрле пришла.

– Прекрасно, – сказала она. – Вижу, у нас теперь надолго вперёд есть интересное занятие, вот только одну вещь я хочу сказать вам заранее. Обещайте мне, что не будете ничего строгать

и вырезать, когда вы одни, только в присутствии кого-нибудь из старших, чтобы не случилось так, что вы нечаянно порежетесь, а рядом никого нет.

– А Тюлинька – старшая? – спросил Сократ.

– Ещё бы! – сказала Эрле. – Ну а теперь давайте отпустим Тюлиньку домой отдохнуть, потому что вечером ей опять нужно быть у нас.

– Индивид тоже будет теперь отсыпаться, – сказала Тюлинька. – Он так набегался, что дальше некуда.

Тюлинька не опоздала и пришла вовремя, как раз к маминому уходу.

– К нам ещё придёт Андерсен, – сказала Тюлинька. – Я позвонила ему и рассказала, что мы сегодня собираемся построгать, а он там у себя в пансионате всё время занимается такими вещами. Он спросил, можно ли ему тоже прийти, не дожидаясь субботы, и я сказала, пожалуйста, пусть приходит.

Вечером случилась неожиданность. В доме многие знали, что в прошлый раз, когда Эрле уезжала на курсы, Гюро оставалась одна в квартире, и вот сегодня зашли сначала Сократ с Авророй и Эдвардом, и Эдвард сказал:

– Мари ушла по своим делам, а мы решили к вам заглянуть и посмотреть, нашёлся ли кто-нибудь, чтобы побыть в этот вечер с Гюро.

Они принесли с собой три ножика. Сократ, как видно, уже рассказал дома, что у Гюро будут строгать фигурки из палочек, и Эдвард тоже заинтересовался. Потом зашли Нюсси и её мама. Они тоже принесли с собой ножики, потому что Нюсси узнала об этой затее от Авроры. Потом пришли Андерсен и большая девочка, которую звали Грю, а последним пришёл Кнут – тот мальчик, который ездил на мопеде и в которого не была влюблена Аврора.

Потом за Эрле зашёл Бьёрн и привёл с собой Лилле-Бьёрна. Все пришли, чтобы не бросать Гюро одну, и все принесли с собой что поесть. Кто-то принёс фрукты, Нюсси – булочки, а Андерсен – пачку порошка какао. Он отправился на кухню и сварил целую кастрюлю какао.

Когда все уселись строгать, Гюро сказала:

– Смотрите, будьте внимательны с ножами, чтобы не пораниться! Так говорил папа. И думайте только о том, что делаете, а не то порежетесь.

– Очень разумный совет, – сказал Эдвард.

Все пошли к синему ящику с ветками и выбрали себе что понравилось. У Андерсена дело пошло лучше всего: в своё время он вырезал из дерева не один кораблик. Но ему было гораздо веселее вырезать здесь, чем заниматься этим в одиночестве дома в пансионате. Работал он не спеша и, если надо, помогал другим. Сократ трудился над толстой палочкой, выстругивая барк, а когда закончил работу, то сказал, что получился точь-в-точь тюленёнок. Гюро выбрала маленькую веточку с отростками, как четыре ножки, головка и хвостик, и сделала из неё жеребёнка, по крайней мере так ей показалось самой. Но вслух она этого не сказала. Всем было не до разговоров: каждый был занят своей работой и каждый считал, что у него получится что-то особенное и замечательное.

Время пролетело незаметно, и вот уже пришла пора укладываться спать. Грю и Кнут ушли, им ещё надо было доделать на завтра уроки. Последними остались Тюлинька, Андерсен и Лилле-Бьёрн. Они немножко побеседовали. Лилле-Бьёрн лёг на диване, а Гюро устроилась в своей постельке, ей было спокойно и уютно. Она нарочно оставила окно в маминой комнате приоткрытым, потому что была дома не одна, а мама любит спать на холоде.

В синем ящике заметно поубавилось запасов, но в лесу их сколько угодно, а Эрле и Бьёрн, вернувшись с курсов, принесли целую кучу деревяшек, потому что на курсах было ещё и столярное отделение, и там было полно отличных обрезков, оставшихся от полок и шкафов! Так что ящику не приходилось опасаться, что он опустеет, запасов в нём хватит на много дней вперёд.

В преддверии Рождества

В городе люди всю жизнь куда-то бегут. Можно подумать, что им надо поспеть в несколько мест сразу. Часто им даже некогда поесть. Проглотив стоя пару бутербродов, они тут же несутся дальше, но, как ни торопятся, всё равно не успевают переделать всё, что нужно, и тогда они начинают переживать, что им опять дня не хватило, и принимаются бегать ещё быстрее, но и это не помогает.

В деревне у людей тоже множество дел, но они не бегут в поле сломя голову, когда, например, надо с утра выкапывать картошку. Нетушки! Они идут спокойным шагом, а сперва позавтракают без спешки, обсуждая, что и как предстоит сделать. И хотя они не мчатся как на пожар, но успевают переделать всё, что нужно. Должно быть, как раз потому, что делают всё с толком и по порядку.

В Тирилтопене самая беготня началась в преддверии Рождества. Эта беготня была не такая весёлая, как у Гюро, когда она точно превращалась в жеребёнка и бежала, потому что ей нравилось, как ветер дует в лицо, волосы за спиной развеваются флажком, а ноги почти не касаются земли. Какое там! Люди бегали по магазинам. Оттуда они возвращались уже не бегом, потому что тащили на себе тяжёлую ношу, но всё равно шагали как можно быстрее, и им почему-то даже не приходило в голову остановиться, поставить сумки на землю и отдышаться.

Иногда при походе в магазин Гюро и Сократ играли, что они взрослые. Тогда они шли очень быстрым шагом и принимали озабоченный вид, но это было так странно, что они никак не могли удержаться от смеха, и тогда они сбавляли шаг, потому что невозможно одновременно смеяться и торопиться. Затем они снова принимали строгий вид и прибавляли шаг. Но только пока не оказывались перед дверью в магазин. Не раз дверь захлопывалась прямо у них перед носом, чуть не стукнув Гюро и Сократа по лицу. Однако, к счастью, не все люди были такие невнимательные. Они придерживали за собой дверь, и тем, кто шёл сзади, было не так страшно входить.

Войдя в магазин, Гюро шёпотом сказала:

– Теперь мы будем не взрослые.

Потому что тут им предстояло выбрать покупки для себя.

Несколько раз они ходили в магазин по поручению Эрле и несколько раз для Эдварда. Эдвард придумал даже нарисовать на листочке, что надо купить, и тогда из похода в магазин получилась интересная игра, в которой надо было найти на полке то, что нарисовано на бумаге. Труднее всего было покупать молоко, потому что молочные коробки стояли в самом низу, а у полки была высокая загородка. Чтобы достать молоко, Гюро приходилось тянуться через край, ложась на неё животом, а когда ей надо было взять тяжеленную двухлитровую упаковку, Сократ должен был придерживать её за ноги, иначе ей с коробкой было не вынырнуть из-под полок. Зато вместе с Тюлинькой это было пустяковое дело: она доставала молоко, а они помогали ей отыскать то, что нужно.

Тюлинька тоже вела себя немного чудно. Потому что стоило ей попасть в город, как она начинала идти быстрым шагом. Так она привыкла, когда работала телефонисткой и торопилась управиться со всеми делами за обеденный перерыв. Когда они бывали в городе, Гюро хватала её за пальто, чтобы Тюлинька от неё не убежала. Но в Тирилтопене Тюлинька ходила спокойно и неторопливо разглядывала выставленные там вещи вместе с Гюро и Сократом, ведь она была их дневной мамой.

Однажды Тюлинька пришла к Гюро и Эрле с каким-то странным выражением на лице. Дело шло уже к вечеру, и в это время Тюлинька обычно не приходила, но сегодня пришла, и было видно, что она хочет что-то сказать.

Эрле заварила ей кофе, и они сели разговаривать в гостиной. Гюро немножко посидела с ними, потом ушла и сначала поиграла на полу у себя в комнате, потом в прихожей. Она услышала, как Тюлинька сказала:

– Ну вот, скоро опять Рождество. Знаешь, Эрле, всю жизнь перед Рождеством меня одолевала тоска. Ты же помнишь: на Рождество все постояльцы разъезжаются из пансионата, а хозяйка устраивает себе каникулы, и кто остался, должны сами себе готовить еду и обходиться без obsługi. Хуже всего было в сочельник. Пока живы были мои родные, я всегда ездила на Рождество домой, но, когда их не стало, мне как-то уже никуда не хотелось. Несколько раз я просто оставалась в пансионате. Ну разве что встречалась иногда с Лиллен. Но Рождество она встречала с родными, и я оставалась одна. Потом я пробовала уезжать в какую-нибудь гостиницу, но там мне тоже не понравилось, и в конце концов стала проводить Рождество в пансионате у себя в комнате.

– Ну а как же Андерсен? – спросила Эрле. – Он-то разве не оставался?

– Нет, он уезжал в другой город к сестре, а возвращался только после Нового года.

– И ты оставалась в Рождество совсем одна? – сказала Эрле.

Она подошла к Тюлиньке и стояла к ней близко-близко.

– Да, дружок, – сказала Тюлинька. – Приходилось что-то придумывать, чтобы совсем не заскучать.

– Неужели у тебя не было даже праздничного угощения?

– Было, конечно, – сказала Тюлинька. – Я всего накупила и накрыла стол у себя в комнате, как могла, наряднее. И вот села я и сказала сама себе: пора вспомнить, почему мы празднуем Рождество. А празднуем мы его в честь Младенца, который родился две тысячи лет тому назад.

– Младенец Иисус, – сказала Эрле.

– Да. Но тут мне поневоле вспомнилось, какое бывало раньше Рождество в моём детстве, и вспомнила, как хорошо было, когда жива была мама, и припомнила те рождественские праздники, которые мы встречали вдвоём с папой.

– А эта женщина, которая тебя так запугивала, не была тогда с вами? – спросила Эрле.

– Она – нет, – сказала Тюлинька. – Она никогда не встречала с нами Рождество. В магазине у папы работало несколько женщин, но после работы они уходили к себе домой. Была одна, которая помогала нам по хозяйству, вот она – да, но мы с папой всё равно были как бы одни. В сочельник он приходил очень усталый, перед Рождеством у него всегда было страшно много работы, так что, закрыв магазин, он ложился отдохнуть, и я тоже ложилась, ну, чтобы потом вечером нам подольше посидеть. И вот по всему дому разносился запах кислой капусты, и для меня это был самый что ни на есть праздничный запах. Потом мы вставали, одевались по-праздничному и ехали в церковь. У нас тогда была лошадка и сани, и ехали мы с бубенчиками, а в церкви для нас по-настоящему начинался праздник, знаешь, когда священник читает рождественское Евангелие и все поют рождественские песни. А после мы навещали могилу матушки, ставили там большую свечку и клали на могилку веночек из куропаточьей травы. Куропаточью траву для венка мы с папой собирали сами, запасались ею с осени. Затем мы ехали домой и садились за стол. Женщина, которая вела наше хозяйство, всё приготавливала к нашему приходу, а сама уходила, не дожидаясь нашего возвращения. Папа хотел, чтобы она встречала Рождество со своими близкими. Угощение было очень вкусное, мы сидели за столом и любовались на ёлку.

– А хоровод не водили? – спросила Гюро.

– Нет. Когда мы жили с папой одни, не водили, а вот когда в дом пришла моя новая мама, стали водить хоровод вокруг ёлки, и она ездила с нами в церковь и ходила на могилку, а потом я шла за руку с ними, и мне было очень хорошо. Всё это я и припомнила в пансионате.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.